

14. И. В. Сталину*

18 декабря 1946, Николина Гора

Лично

Товарищ Сталин!

Лишив меня моего института, меня отстранили от полноценной научной работы, и я это тяжело переживаю.

Я хочу понять причину, почему ученого лишили возможности работать в стране, которая основывает свой рост на развитии науки? Это противоречие настолько явное, что оно не может быть объяснено чем-либо личным или случайным. Так как никто из руководящих товарищей до сих пор не указал мне, что они считают моей ошибкой, я хочу Вам написать, что я думаю по этому поводу.

Первый вопрос, который у меня возникает: сумел ли я правильно понять запросы нашей страны и времени?

Я считаю, что <...> направление научной работы ученого не может быть оторвано от жизни и определяется тем, что нужно стране.

Следующий вопрос: кто должен устанавливать эти наиболее нужные для страны направления научных работ?

Я считаю, что это должно решаться централизованно, государственным руководством, или, как у нас говорят, «партией и правительством» как органом, лучше всего понимающим запросы страны. Тут ученые являются только советниками, но в руках ученых должны находиться

* Публикуется впервые.

развитие и организация самого процесса научных работ. Вот основные положения, из которых я исхожу. <...>

Наши руководящие товарищи в своем правильном стремлении развивать советскую науку хотят ее взять под такой контроль и руководство, которые только мешают работать ученым. Я же считаю, что руководство, дав задание ученому, должно ему верить, организационно помогать и терпеливо ждать, когда у него выйдет его работа. Надо помнить, что передовая творческая работа всегда полна неудач. Руководить творческим процессом и делать его общественным достоянием для микроскопического контроля не только не помогает, но крайне вредно. Отсюда и вытекают встречающиеся у нас нелепости, как, например, с детальным планированием научной работы, ведущим почти к учету «мысль-часов» ученого. Это приводит к практике делать ненужный тарарам, укрывать неудачи, выдавать векселя и обещания, что в настоящей научной работе невозможно и является ложью, в здоровых условиях работы ученый не будет и не должен этого делать.

В конце концов это все ведет к процветанию лжеученых, образно выражаясь, ученых-знахарей; а не ученых-врачей. Так как нельзя каждому больному читать курс медицины, то ясно, что, не зная медицины, больной сам не может отличить знахаря от врача, и поэтому отношение больного к тому и другому зиждется на вере. Поэтому здоровая оценка и доверие к ученому может основываться только на общественном мнении самих же ученых. Это и есть та причина, почему организация научных учреждений, как академия, университет, всегда и всюду строится на выборном начале.

Без опоры на общественное мнение ученых передовая наука у нас не может и не будет процветать и все наши новые начинания будут гибнуть, как сейчас погибла кислородная проблема. <...>

Ясно, что все это ненормально, а причина все та же — без доверия и уважения к ученым, основанного на мнении других ученых, процветание свободной и продуктивной творческой работы в науке и всего нового, связанного с ней, невозможно.

Это доверие и уважение к ученым не легко и не сразу создается, но к нему надо стремиться, его надо внушать и искать те организационные формы, при которых оно осуществляется.

Есть еще один вопрос, который вызывает у меня недоумение. В постановлении выставлена как одна из причин моего снятия, что я не вводил у нас немецких установок. То, что нужно учитывать иностранный опыт и им пользоваться, это, конечно, ясно, но ставить ученому в вину старание идти своим путем — это равноценно упреку писателю, что он пишет свои произведения, а не занимается переводами. То, что я поднял кислородную проблему и создал свои, советские кислородные установки низкого давления, которые я по-прежнему считаю наиболее передовыми из существующих, как раз этим-то я и гордился и, несмотря на все,

горжусь и буду гордиться, да и не сомневаюсь, что со временем и страна будет гордиться.

По всем этим пунктам я своей вины не могу найти. Теперь есть последняя возможность моей ошибки. Многие товарищи мне указывали на следующее: «Ты чересчур прямолинеен, не считаешься с самолюбием людей и пр.» Они говорят, что надо быть послушным и приспособляться к хозяевам. Если хотят планов, обещаний и пр., отчего же их не дать, если это ограждает от неприятностей. Это действительно у меня не выходит.

Я очень уважаю Вас и Ваших основных сотрудников и не вижу способа выразить большего уважения, как говорить Вам то, что думаю. Я также верю, что это необходимо для той цели, которая нас всех объединяет, — это благо страны. Я безусловно сочувствую тем новым направлениям, на которых Вы строите государство, понимаю и оцениваю все трудности, которые Вы встречаете на новом пути. Я считаю, что для меня, как ученого, основной способ посильно содействовать Вашей созидательной работе — это помочь отыскать наилучшие организационные формы для нашей науки, а это может быть только тогда, когда ученый не будет бояться прямо говорить, что думает даже в том случае, когда это неприятные вещи.

Я хочу надеяться, что меня наказывают не за это.

Конечно, я верю, что со временем мы придем к более здоровым организационным формам научной работы и правда о кислороде выйдет наружу и время покажет, что турбинный метод низкого давления победит. <...>

Из всего происшедшего мне ясно, что при создавшемся положении продолжать свою научную работу по основным проблемам мне невозможно. Не только потому, что я не понимаю и никто мне не сказал, что я сделал плохого и почему меня нужно было лишить возможности научно работать, но и по следующим конкретным причинам.

Первое. В 1934 г. я мог и согласен был работать только в моем институте, который, как Вы помните, тогда привезли из Англии. Так же я смотрю на вещи и сегодня. Этот институт я люблю, как свое дитя, я им горжусь, его я создавал 20 лет, он всецело приспособлен для моей личной работы, и работать и руководить другим для меня нелепо и я не буду. Без него я обречен на кабинетную работу. Сейчас я, как скрипач, у которого отобрали скрипку, могу играть только на гребенке.

Второе. Потому что нет для этого нужного доверия и уважения ко мне как к ученому, необходимой основы для смелой работы.

Третье. По своему складу, как ученый, я только могу работать в области искания новых путей, а это мне поставлено в вину.

Четвертое. Несомненно, что теперь люди будут остерегаться идти ко мне работать, так как сейчас пострадал не только я один, но и мои ученики и помощники.

В создавшемся положении мне остается только одно — спокойно и терпеливо ждать. Поэтому я прошу Вас не истолковывать мою работу в уединении как нежелание служить стране, хотя, работая в лаборатории, чувствуешь себя полноценнее как ученый, но и за письменным столом можно делать полезные работы.

Если не будет возражений, то я постараюсь у себя в комнате на даче организовать маленькую лабораторию для элементарных опытов, и было бы очень хорошо, если бы мне разрешили взять к себе моего постоянного ассистента и кое-какие приборы из института.

Поэтому очень прошу Вас, чтобы Вы дали указания, чтобы мне помогли в этом, чтобы мне не мешали спокойно работать и чтобы больше не обижали. Я, со своей стороны, готов сидеть тихо и смирно до тех пор, пока не произойдет переоценка ценностей и не изменится отношение ко мне, тогда я смогу опять в полной мере служить стране, людям и науке.

П. Капица